

Ань Сяопин не был чужаком — этот парень приходился Цзян Тинчжоу близким другом, поэтому шеф-повар говорил с ним начистоту. Продукция старого сахарного завода стоила копеечки, а значит, и прибыль с неё выходила мизерной. Самым ходовым товаром в их лавке оказался пробный набор за девять и девять десятых юаня — его заказали уже больше двух тысяч раз. Тинчжоу набросал в уме примерные цифры и понял, что ребята гнут спину ради копеечной выгоды.

— И где вы закупаетесь? — спросил он.

— На небольшом оптовом рынке, ближайшем к университету, — ответил Ань Сяопин. — Туда ехать с полчаса. Мы ещё разжились фургоном и через знакомых выбили пустующий склад студенческого союза, чтобы упаковывать и рассылать заказы. На первое время сойдёт, перебьемся.

Мелкий оптовый рынок относился к перекупщикам второго звена. Когда Тинчжоу расспросил о ценах, выяснилось, что закупка едва ли отличалась от обычной розницы.

К счастью, соседи Сяопина по комнате в ключевых вопросах сообразили вовремя: проконсультировались со старшекурсником, у которого уже был опыт ведения интернет-магазина, и выторговали у службы доставки неплохую скидку. Сейчас они здорово сэкономили на аренде благодаря университетскому складу и привлекали сокурсников на подработку, но лавочку могли прикрыть в любой момент. Вечно так продолжаться не могло.

— Не думал закупаться напрямую у сахарного завода и хлебозавода? — поразмыслив, предложил Тинчжоу. — Отпускная цена производителя гораздо ниже, маржа сразу вырастет.

Ань Сяопин, как раз хрустевший огурцом, вытаращил глаза:

— Напрямую? Мне?

Так далеко его мысли не заходили. Даже когда заказы поползли вверх, они с ребятами считали это мелкой подработкой и думать не смели о прямых контрактах с фабриками. И пускай у государственного сахарного завода и старого хлебозавода дела сейчас шли со скрипом, былая слава никуда не делась — предприятия-то по-прежнему оставались гигантами в масштабах города.

— А в чём проблема? Если ты умеешь продавать их товар, значит, имеешь право вести переговоры, — подбодрил его Тинчжоу. — Чего бояться?

— Да я же там никого не знаю, — всё ещё мялся Сяопин. — С кем мне разговаривать? Станут они со мной возиться?

Полезные связи всё же имелись. Ли Шуянь как раз присматривалась к проекту реконструкции сахарного завода и уже навевалась туда лично, так что раздобыть через неё контакты

управляющего не составило бы труда.

Тинчжоу покосился на друга. Тот только-только пробовал бизнес на вкус: на словах постоянно жаловался, мол, умотался в край, но стоило ему набрать номер кого-то из соседей по комнате, как в голосе тут же вспыхивал неподдельный азарт. Тинчжоу просто обязан был помочь. Недолго думая, он отправил сообщение Ли Шуянь.

Он планировал лишь попросить визитку менеджера, но Шуянь сразу ухватила суть дела.

— Какое совпадение! Я как раз собираюсь туда завтра, — ответила она. — Поехали вместе с тобой и Сяопином. Если возникнут трудности, я на месте помогу договориться.

На следующий день Ли Шуянь приехала задолго до назначенного времени и ждала Тинчжоу у проходной сахарного завода.

По улице сновали прохожие, но стоило Тинчжоу показаться на перекрёстке, как её взгляд мгновенно выхватил его из толпы. На Тинчжоу была простая серая толстовка. В первый миг показалось, будто они вернулись в школьные годы: он шёл навстречу мягкому утреннему солнцу, лучи ложились на его лицо, где больше не осталось и следа от того жуткого шрама. Высокий, подтянутый — хоть сейчас на обложку журнала снимай. И этот его взгляд — невероятно сосредоточенный, ловящий каждую деталь.

Шуянь помахала рукой, не сводя с него глаз.

Время помогло ей во всём разобраться. Тинчжоу тогда оказался прав: её девичье увлечение было скорее привязанностью, нежели настоящей любовью. Это чувство не имело ничего общего с романтикой — просто крепкая дружба и искреннее восхищение человеком, которого в старшей школе все вокруг травили. Тогда она была слишком юной, ей не хватило смелости и стойкости отстоять свою позицию перед другими. К счастью, судьба дала ей шанс исправить старые ошибки.

— Привет, — Тинчжоу подошёл ближе и тепло улыбнулся. — Извини, мы немного опоздали.

— Ничего страшного, — улыбнулась в ответ Ли Шуянь. — Я и сама только подошла.

Они пошли к заводским корпусам плечом к плечу, точь-в-точь как в школьные времена — Тинчжоу по привычке оказался посередине. На полпути к главному цеху Ань Сяопин не выдержал и поинтересовался, действительно ли Шуянь планирует выкупить этот проект.

— Поначалу я не строила иллюзий, — призналась Ли Шуянь, — но чем больше размышляю, тем сильнее привязываюсь к этой затее.

Именно поэтому она раз за разом возвращалась сюда, вникая в каждую мелочь. Теперь-то она понимала: не столкнусь она тогда с Тинчжоу, у неё вряд ли хватило бы духу перечить Цзян Ли.

А теперь их разногласия переросли в полноценную ссору. Бизнес требует холодного расчёта, а не эмоций, но стоило ей закончить осмотр территории в прошлый раз, как старый заводской сад буквально ожил благодаря наплыву людей. Будто сама судьба подала знак.

Пока они шли, она делилась воспоминаниями:

— В детстве я обожала здешние маленькие булочки с бурым сахаром. Они были крошечными, а внутри скрывались сладкие тягучие слои. Наша няня тайком приносила их мне, потому что мама строго-настрого запрещала есть «всякую дешёвую гадость». Потом няня уехала к себе в деревню, булочки сняли с производства, и сколько бы я ни искала похожий вкус в других пекарнях — всё не то.

— Помнишь, в школе я постоянно уплетала здешние слоёные пирожки? Моими любимыми были как раз с начинкой из бурого сахара, они возвращали меня в детство. Но когда я заглянула в лавку в прошлый раз, их там тоже не оказалось.

Ань Сяопин оживился:

— О, я их тоже помню! Вкуснятина невозможная!

Жаль, Тинчжоу в те годы подобные лакомства обошли стороной. В золотую эпоху заводы выпускали десятки видов печенья, конфет и выпечки, но суровые реалии рынка заставили их свернуть всё разнообразие.

— Я специально расспрашивала руководство, — продолжала Шуянь. — Из-за кризиса им пришлось сократить линии и полностью отказаться от переработки бурого сахара. Другие поставщики делают сырьё совершенно иного качества. Как бы мне хотелось вернуть то производство к жизни...

— Тинчжоу, Сяопин, если честно, я вам по гроб жизни благодарна, — тихо добавила она. — Без вас я бы ни за что не поняла, ради чего вообще стоит заниматься девелопментом.

Эта мечта казалась несбыточной, но стоило Сяопину выложить видео про отреставрированный Сад сахарного завода, как туда хлынули толпы. Улица Утреннего рынка заиграла новыми красками, а отзывы в сети доказали: у горожан до сих пор болит душа за некогда величайшее предприятие Юнцина.

Для неё символом ушедшей эпохи были те самые булочки, а для кого-то другого — свои, особенные мелочи. Старой памяти просто нужна была искра, чтобы разгореться вновь.

Шуянь понимала, что отступать не намерена. Из-за этих споров с Цзян Ли она всерьёз задумалась о переносе свадьбы. В памяти то и дело всплывало предупреждение Тинчжоу держаться от жениха подальше, и теперь эти слова уже не казались пустой ревностью. Впрочем, делиться личным сейчас было не время — на повестке дня стояли дела поважнее.

Тем временем они подошли к дверям административного корпуса.

Управляющий старым заводом радушно выкатился им навстречу и тут же засыпал гостей подробностями. Тинчжоу с удивлением узнал, что старый хлебозавод у дома Тянь Хуэй изначально входил в состав сахарного гиганта. Хотя цеха и раскидали по разным районам Юнцина при строительстве, юридически это было одно предприятие.

— А-а, то-то я гляжу, у них на упаковках логотипы одинаковые! — хлопнул себя по лбу Ань Сяопин. — Вот и славно, обсудим всё разом.

Продажи в его интернет-магазине продолжали расти как на дрожжах. Что примечательно, львиная доля заказов теперь прилетала из других регионов.

Пройдясь по территории, гости воочию убедились в плачевном положении дел. На хлебозаводе жизнь ещё как-то теплилась, но головной сахарный завод дышал на ладан, едва сводя концы с концами.

Сяопин до последнего не верил в успех. Идея Тинчжоу договориться напрямую казалась ему авантюрой, но реальность превзошла все ожидания. Парню даже не пришлось раскрывать рта — администрация завода с порога предложила цену вдвое ниже оптового рынка, да ещё и пообещала дополнительные скидки за объёмы в будущем.

— Мы люди старой закалки, в интернетах ваших не смыслим, — простодушно улыбнулся управляющий. — Но рабочие шепнули, что продажи пошли в гору именно из-за ваших роликов. К тому же вас привела госпожа Ли, так что о цене договоримся. Нам золотых гор не надо. Главное — остаться на плаву, чтобы люди вовремя получали зарплату. Всё остальное — мелочи.

Большинство заводчан давно разменяли пятый десяток. Глядя на этих уставших, но сосредоточенных людей, Тинчжоу почувствовал укол грусти. По словам управляющего, заказ Сяопина гарантировал коллективу стабильную оплату труда как минимум на ближайшие несколько месяцев.

Здесь трудились настоящие мастера своего дела, бережно переноса опыт поколений в каждую партию товара. Кое-что до сих пор формовали вручную — например, ту самую мягкую карамель с красными финиками и грецким орехом, которой так восхищался Сяопин. Вокруг царила атмосфера советского монументализма: пусть стены цехов и облупились от времени, стерильность поддерживалась безупречно, а все санитарные протоколы соблюдались неукоснительно. Время словно законсервировалось в этих стенах.

Сяопин прихватил с собой камеру и немедленно принялся снимать. Руки рабочих двигались с поразительной точностью — годы практики превратили их труд в настоящее искусство. В ручном изготовлении карамели чувствовался какой-то гипнотический, почти сакральный ритм.

Ручной труд не мог тягаться с машинным по скорости и объёмам, а поднимать отпускные цены в условиях жесткой конкуренции означало подписать заводу смертный приговор. Приходилось балансировать на грани выживания. Для пожилых сотрудников это место было последней соломинкой — в их возрасте найти другую работу в городе практически невозможно.

Услышав их обрывки разговора по пути в цех, управляющий вздохнул и пояснил, почему завод завязал с бурым сахаром:

— Бурый сахар требует дополнительного цикла обработки по сравнению с обычным тростниковым. Сырьё для него нужно отборное, дорогое. Нынче все демпингуют, а мы снижать планку качества не хотим — совесть не позволяет. Вот и пришлось законсервировать линию. Она вон там, в левом крыле, стоит без дела.

Тинчжоу проследил за его жестом. Добрая половина цеха тонула во мраке, станки спали под тяжелыми брезентовыми чехлами. Зрелище было гнетущим.

Когда все формальности были улажены, довольный Сяопин вместе с Тинчжоу направился к выходу. Вдруг со стороны погрузочной ramпы послышался торопливый топот — их догонял немолодой мужчина в рабочей робе с бейджем начальника смены.

Тинчжоу присмотрелся к его лицу. Память у шеф-повара была феноменальной: он сразу узнал соседа из своего квартала.

— Дядя Нань? — окликнул он мужчину.

— Он самый! — запыхавшись, разулыбался тот. — Сяо Цзян, я краем уха услышал, что вы про бурый сахар расспрашивали. У меня в закромах как раз завалялись две запечатанные банки из последней партии. Полтора года назад линию закрыли, так что это настоящий раритет. Срок годности два года, так что не переживай — сахар отличный, сладкий, не испортился. Качество у нашего завода всегда было на высоте, магазинной химии до него далеко!

Тинчжоу потянулся к карману за кошельком, но дядя Нань замахал руками:

— Да брось ты, брось! Денег не надо, ерунда какая.

Он всучил Тинчжоу увесистый пакет с рафинадом и кусковым тростниковым сахаром из базового ассортимента завода:

— Вот, возьмите ещё на пробу. Наш классический продукт, без примесей.

— Давно к нам такие крупные заказы не прилетали, — мастер смущённо потёр мозолистые ладони. — Молодцы вы, ребята. Нам, старикам, за вашим веком не угнаться.

В его глазах светилась искренняя, щемящая благодарность. Тинчжоу попытался было возразить, что его заслуги тут нет — всё организовали Ли Шуянь и Сяопин со своими

университетскими друзьями, но дядя Нань лишь отмахнулся. Будучи человеком дела, он поспешил обратно в цех и скрылся за дверью прежде, чем Тинчжоу успел вставить слово.

В итоге приятелям пришлось тащить весь этот сладкий груз домой. По пути к остановке Тинчжоу спросил друга:

— Сяопин, как насчёт чаепития?

Ань Сяопин, увлечённо строчивший в групповой чат триумфальный отчёт о снижении закупочных цен, оторвался от экрана:

— Чего?

— Сахара теперь завались, нам вдвоём столько не съесть. Думаю испечь те самые булочки с хрустящей корочкой и бурым сахаром, о которых вы с Шуянь говорили. Я ведь их так и не попробовал, — пояснил Тинчжоу. — Выйдет целая гора. Позовём соседей и устроим чаепитие прямо в саду.

Денёк выдался на редкость погожим. Навещающая как-то тётушку Дэн, Тинчжоу ощутил особое умиротворение от таких посиделок и теперь загорелся идеей повторить это у себя. Тёплое солнце приятно согревало плечи — идеальное время для душевного отдыха на свежем воздухе.

Сяопин удивлённо приподнял брови. Надо же, нелюдимый Тинчжоу вместо привычной возни на грядках решил устроить праздник!

— Слушай, а мне можно будет снять процесс на камеру? — мигом сориентировался он. — Братец, подписчики так и умоляют тебя показаться в кадре!

С тех пор как Сяопин уехал на учёбу, он редко бывал дома, а в комментариях к его блогу только и делали, что требовали вернуть «загадочного шефа». Раньше Тинчжоу наотрез отказывался светиться перед камерой — то единственное видео попало в сеть чисто случайно. Но сегодня, взвесив все за и против, он вдруг кивнул:

— Хорошо. Снимай.

Сяопин аж застыл на месте:

— Серьёзно? Не шутишь?

— Серьёзно, — подтвердил Тинчжоу.

В последнее время он всё чаще ловил себя на мысли, что открываться миру не так уж страшно. Новые начинания шли ему на пользу.

— Вот это класс! — завопил восторженный блогер.

Вопреки безоблачному небу и яркому солнцу, Лу Цзяхэ пребывал в отвратительном расположении духа. Субботний день он проводил на работе, изнывая на бесконечных совещаниях. Причиной аврала стал скорый визит в Юнцин съёмочной группы второго сезона телешоу «Китай на кончике языка». Впрочем, Цзяхэ не уловил ни слова из докладов коллег. В его мыслях навязчивым рефреном крутилось одно: Тинчжоу проигнорировал его звонок ради обсуждения каких-то дурацких слоёных пирожков.

Масла в огонь подлил ассистент, который после летучки шепнул на ухо: режиссёр Чэн Шифэй во время телефонного разговора особо выделил одного кандидата.

— Цзян Тинчжоу ведь примет участие в съёмках? — прямо спросил именитый мэтр.

Ответить на этот вопрос Цзяхэ не мог.

Осознавая собственную беспомощность, Цзяхэ привык во всём полагаться на старшего брата. Лу Байюй славился умением решать любые проблемы. Но тот вечно пропадал на переговорах и дома почти не появлялся — пробиться к нему на аудиенцию было сложнее, чем к министру. Вчера Цзяхэ чудом перехватил его на подземной парковке, но Байюй даже не взглянул в его сторону.

Старший брат увлечённо с кем-то беседовал по мобильному. Цзяхэ, набравшись наглости, тихо пристроился сзади, улавливая обрывки фраз:

— Прошлый способ не сработал, придумай что-нибудь другое, — глухо бросил в трубку Байюй.
— Да, я принимал ледяной душ, но за эти два дня ни намёка на жар. Даже лёгкого насморка нет.

— А если увеличить дозу тех таблеток? Главное, чтобы симптомы проявились хотя бы внешне.

— Уверен, что передозировка опасна? Чем это подтверждено?

Притаившийся за бетонной колонной Лу Цзяхэ впал в ступор.

"И что это вообще значит?"

<http://bllate.org/book/19956/1995126>